

УДК 159.9.072, 159.922

АДАПТАЦИЯ КРАТКОЙ ВЕРСИИ “ПЕРЕРАБОТАННОГО ОПРОСНИКА — ОПЫТ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ” (ECR-R) НА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЫБОРКЕ

© 2018 г. К. А. Чистопольская^{1*}, О. В. Митина^{2**}, С. Н. Ениколопов^{3***},
Е. Л. Николаев^{4****}, Г. И. Семикин^{5*****}, С. А. Чубина^{6*****},
С. Н. Озол^{7*****}, С. Э. Дровосеков^{8*****}

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского; 119991, г. Москва, Кропоткинский переулок, 23, Россия.

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11/9, Россия.

³ Научный центр психического здоровья; 115522, г. Москва, Каширское шоссе, 34, Россия.

⁴ Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова; 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, 15, Россия.

⁵ Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана; 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5/1, Россия.

⁶ Тульская областная клиническая психиатрическая больница №1 им. Н.П. Каменева; 301105, Тульская область, Ленинский район, п. Петелино, Россия.

⁷ Рязанский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова; 390026, г. Рязань, ул. Высоковольная, 9, Россия.

⁸ Вятский государственный университет; 610000, г. Киров, ул. Московская, 36, Россия.

*Младший научный сотрудник отдела суицидологии. E-mail: ktchist@gmail.com

**Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии общения факультета психологии. E-mail: omitina@inbox.ru

***Кандидат психологических наук, зав. отделением клинической психологии.

E-mail: enikolopov@mail.ru

****Доктор медицинских наук, заведующий кафедрой социальной и клинической психологии факультета управления и социальных технологий. E-mail: pzdorovie@bk.ru

***** Доктор медицинских наук, заведующий кафедрой валеологии. E-mail: semikin@bmstu.ru

***** Заведующий отделением. E-mail: sonyaost@yandex.ru

***** Аспирант кафедры психиатрии. E-mail: ozolsergey7@gmail.com

***** Преподаватель кафедры практической психологии факультета педагогики и психологии. E-mail: drovosekov89@gmail.com

Поступила 20.08.2017

Аннотация. Романтическая привязанность у взрослых является важным и перспективным предметом психологических исследований, результаты которых применимы в психотерапии различных групп пациентов и клиентских пар. Целью данной работы явилась адаптация “Переработанного опросника — Опыт близких отношений” (ECR-R, Fraley R.C., Waller N.G., Brennan K.A., 2000) на российской выборке и подтверждение его конструктивной валидности на основе корреляций с методиками исследования временной перспективы и жизнестойкости. В исследовании участвовали 793 студента технических, гуманитарных и медицинских специальностей из Москвы, Чебоксар, Рязани и Тулы (369 девушек, 417 юношей, у 7 пол не указан; возраст 18–25 лет, $M = 20$, $SD = 2.1$). Создана компактная версия данного опросника из 14 пунктов, которые наилучшим образом отражали исследуемые явления. Конфирматорный факторный анализ этой модели подтвердил структуру опросника ($CFI = 0.958$, $SRMR = 0.036$, $RMSEA = 0.047$). Показатели α Кронбаха для шкалы тревожного стиля привязанности — 0.881, для шкалы избегающего стиля привязанности — 0.785. Выявлены положительная связь шкал методики со шкалами негативной временной перспективы и отрицательная — со шкалами позитивной временной перспективы и жизнестойкости, что соответствует основным положениям теории взрослой привязанности. Ретест показал близкую к высокой стабильность шкал во времени ($r = 0.86$ для тревожного стиля и $r = 0.77$ для избегающего стиля привязанности). Таким образом, краткая русская версия “Переработанного опросника — Опыт близких отношений” является надежным и валидным инструментом для оценки стилей взрослой романтической привязанности.

Ключевые слова: взрослая привязанность, романтическая привязанность, избегающий стиль, тревожный стиль, надежный стиль, жизнестойкость, временная перспектива.

DOI: 10.31857/S020595920000838-7

Исследования привязанности начались в 40–50-х годах прошлого века с наблюдений Джона Боулби за детьми в различных учреждениях (школах, психиатрических и общих больницах, домах ребенка) [1]. Боулби противопоставил свое понимание привязанности психоаналитическому подходу, показав, что животные демонстрируют активность, связанную не только с удовлетворением физиологических потребностей, но и с социальным взаимодействием [3].

Позже к исследователю присоединилась Мэри Эйнсворт, разработавшая процедуру “Незнакомая ситуация” (“Ситуация с незнакомым взрослым”) [11], и описала три типа привязанности: надежный, ненадежный избегающий и ненадежный амбивалентный/тревожный; позже также был выделен дезорганизованный стиль (как правило, являющийся последствием травмы) [31]. Представления о данных стилях используются, в частности, в современной теории нарушений привязанности [2].

В 1980-е годы были разработаны интервью для диагностики привязанности взрослых к детям (родительская привязанность), сверстникам и памяти о своих детских отношениях [34]. С помощью интервью родителя успешно предсказывалось поведение его ребенка в методике “Незнакомая ситуация”. Исследования пролили свет на межпоколенческую передачу стиля привязанности [20]. В это же время появилась вторая линия исследований — диагностика взрослой привязанности к романтическому партнеру. К. Хейзен и Ф. Шейвер просили респондентов оценить свое соответствие трем прототипам взрослых отношений привязанностей (надежному, тревожному и избегающему). В прототипы входило описание того, что люди думают, чувствуют и как ведут себя в близких отношениях (рабочие модели любовных отношений) [24]. После этого инструмента было разработано несколько шкал, включавших от двух до пяти стилей привязанности у взрослых [35].

Однако еще в 1990 году Ким Бартоломью предложила интерпретацию этих измерений в терминах идей Джона Боулби о внутренних рабочих моделях себя и других [12]. Она предположила, что тревожность может быть рассмотрена как “модель себя” (позитивная — отсутствие тревожности или негативная — ее наличие), а избегание — как “модель других” (позитивная — отсутствие избегания или негативная — его наличие). Комбинации этих измерений могут быть представлены в виде четырех паттернов привязанности (рис.). Люди с позитивными моделями себя и других обладают *надежным* стилем привязанности, люди с позитивной моделью других и негативной моделью себя ориентируются на других, а потому оказываются *прилипчивыми*, с негативной моделью других и позитивной моделью себя ориентируются на себя, и потому *безразличными*, а с негативными моделями себя и других — *робкими*. Позже автором был разработан опросник с четырьмя шкалами-прототипами [13], однако коэффициенты внутренней согласованности четырех шкал оказались недостаточно высокими, хотя и остались высокими для двух измерений (тревожности и избегания).

В 1998 году был проведен факторный анализ всех существующих на тот момент шкал. Было выявлено, что все стили могут быть сведены к двум ортогональным измерениям: тревожности (опасение разлуки, расставания, недостатка любви) и избегания (страх близости, зависимости и открытого выражения чувств), — они концептуально близки к ведущим типажам, которые выделили Дж. Боулби и М. Эйнсворт [14]. На основании этого авторы исследования разработали методику “Опыт близких отношений” из 36 пунктов (по 18 для тревожного и избегающего стили привязанности), выбранных из обширного пула утверждений, а в 2000 году появился “Переработанный опросник — Опыт близких отношений” [19], тоже из 36 пунктов

Рис. Двумерная модель индивидуальных различий во взрослой привязанности (по [32]).

по 18 для каждой шкалы, из того же пула утверждений, что и первая методика. Преимущество более позднего опросника заключалось в том, что он был сформирован на основе современной теории тестирования (*Item response theory*) и позволяет лучше дифференцировать надежный стиль привязанности [32]. Данные шкалы были разработаны с формулировками для романтических партнеров, однако авторы указывают, что при необходимости “романтического партнера” (“любимого человека”) можно заменить на другие персоналии, с которыми возможны отношения привязанности: “друг/подруга”, “мать/отец”, “сестра/брат” и т.д. Приоритет “романтического партнера” был обоснован тем, что романтические отношения во взрослом возрасте являются ведущими. Шкалы двух опросников коррелируют на высоком уровне ($r = 0.95$). Переработанный опросник успешно адаптирован на разных языках: в Германии [17], Италии [15], Сербии [22], Нидерландах [28], Румынии [33], Таиланде [38], Новой Зеландии [36]. Однако структура опросника не подтвердилась на корейской [27] и датской [25] выборках.

“Первая линия” исследований (приверженцы интервью) упорно оспаривает “вторую линию” (шкал самоотчетов). Занимаясь преимущественно межпоколенческой передачей стилей привязанности и отношениями “ребенок–взрослый” в противовес взрослой романтической привязанности и содержаниям восприятия, чувствам и самонаблюдаемому поведению, исследователи утверждают, что их оппоненты не учитывают “бессознательные процессы регуляции эмоций”, а имеют дело лишь с “сознательными оценками”, а также сомневаются, что шкалы самоотчета адекватно улавливают безразличный и прилипчивый стили привязанности [26]. Опубликовано множество исследований, которые проверяют, существует ли корреляция между интервью и опросниками, и данные разных ученых расходятся. В целом приверженцы “второй линии” [34] подтверждают, что из интервью можно предсказать баллы по шкалам с достоверностью $R^2 = 0.48$ и $R^2 = 0.52$. В 2002 году была опубликована обзорная статья, в которой приводились положительные результаты многочисленных исследований, посвященных вопросу соответствия (корреляций) шкал самоотчета следующим явлениям: бессознательным установкам к отношениям привязанности (что было подтверждено с помощью лексических заданий, эффекта Струпа, теста имплицитных ассоциаций, физиологических коррелятов, теста Роршаха), прилипчивому и безразличному стилю отношений, а также наблюдаемому межличностному поведению [35].

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗРОСЛОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

По мнению современных авторов [2; 32], привязанность изначально формируется между ребенком и родителями, а со временем распространяется на значимых близких. “Пирамида привязанностей” у человека складывается постепенно, и хотя стиль привязанности у человека формируется в раннем детстве, романтические отношения привязанности во взрослом возрасте становятся ведущими, и это особая связь, которая не исчерпывается сексуальным притяжением, общими интересами, даже родительством. Но как в ранних детских, так и во взрослых отношениях фигура привязанности (“более сильного и мудрого”), во-первых, характеризуется тем, что любящий ищет близости с ней, особенно в трудной ситуации; во-вторых, она служит безопасной гаванью (надежно обеспечивает защиту, утешение, поддержку и помощь); в-третьих, является надежной основой, позволяя ребенку или взрослому безопасно работать на достижение сторонних целей (активировать другие поведенческие системы). Действительное или ожидаемое исчезновение фигуры привязанности вызывает стресс сепарации. Во взрослой паре участники поочередно занимают позицию “более сильного и мудрого”, являются друг для друга безопасной гаванью и надежной основой [32].

Нужно, чтобы человек, к которому формируется привязанность, был доступным, чутким и поддерживающим, чтобы его визави ощущал себя уверенным и достойным любви. Если фигура привязанности отвечает на запросы лишь время от времени, и эти ответы нестабильны, может закрепиться тревожный стиль привязанности, когда человек всеми силами старается добиться внимания (гиперактивация системы привязанности); если же фигура привязанности постоянно недоступна, в паре закрепляется избегающий стиль привязанности, основанный на деактивации системы. Исследования показали, что люди, привыкшие к частой гиперактивации системы привязанности, отличаются низкой связностью и согласованностью структуры Я, заниженной самооценкой, а те, кто вынужден привычно деактивировать систему привязанности, склонны к болезненному нарциссизму, “компульсивному полаганию на себя” [32].

Диагностика романтической привязанности показала свою значимость не только в исследованиях непосредственно любовной привязанности (например, чувства собственной “особости” (*entitlement*) в романтических отношениях [37] или баланса близости–автономии (и интрузивности, или назойливости), [29]), но и в исследованиях посттравматического стресса [18] и

личностных расстройств [32], а также теории управления страхом смерти (было показано, что привязанность вообще и романтическая привязанность в частности является первичной по отношению к культурному буферу тревоги, защищающему от страха смерти [23]). Ведутся исследования чувства взрослой привязанности к домашним животным [39] и богу [21], то есть эта концепция открывает широкое поле для изучения. Нами было проведено исследование стилей привязанности суицидальных пациентов [9; 10], так как представляется значимым влияние проявлений эмоциональной привязанности этих людей на их состояние в постсуициде и стиль взаимодействия с лечащим персоналом.

Целью настоящего исследования была адаптация на русскоязычной выборке современного опросника, изучающего стили привязанности, который наиболее благоприятно зарекомендовал себя в зарубежных исследованиях [19]. Объектом исследования явились молодые люди, юноши и девушки, состоящие или состоявшие в недалеком прошлом в отношениях романтической привязанности, предметом исследования были проявления эмоциональной привязанности — тревожность и избегание. В исследовании была проведена проверка общего соответствия измеряемых конструктов заявленным феноменам. *Гипотеза* заключалась в том, что структура опросника будет соответствовать оригинальной (с двумя шкалами — тревожности и избегания в отношениях), а сами шкалы будут положительно коррелировать со шкалами негативной временной перспективы (негативным

прошлым и фаталистическим настоящим) и отрицательно — с позитивной временной перспективой (позитивным прошлым и будущим) и шкалами жизнестойкости. Мы выбрали эти переменные как выявляющие общее психологическое благополучие.

Существует русскоязычный вариант адаптации данной методики [4], однако исследователем не был проведен подтверждающий факторный анализ, выборка была небольшой (175 человек) и разнородной (возраст от 17 до 70 лет), не было указано соотношение полов, в конечном варианте оставлено лишь 24 пункта, и хотя было заявлено о процедуре обратного перевода, на наш взгляд, перевод утверждений не вполне точен. Также в 2015 году была проведена адаптация методики *ECR* [7], и хотя, на наш взгляд, она является более удачной, чем версия [4], у нее также есть не вполне корректные формулировки пунктов, а также статистические погрешности.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Сводная выборка составила 811 студентов 18–25 лет ($M = 20$, $SD = 2.1$). 417 респондентов были юношами, 369 — девушками, у семи пол не был указан (см. табл. 1). В 18 бланках были обнаружены по 1–2 пропуска ответов на утверждения, и эти анкеты были исключены из дальнейшей обработки. Итого осталось 793 человека. Отдельно был проведен ретест, в котором участвовало 93 человека. Время между замерами при ретесте составило 2–3 недели.

Таблица 1. Демографические показатели выборок основного исследования и ретеста

	Основное исследование				Ретест
	Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана, 283 человека	Рязань, РГМУ, 122 человека	Тула, МИ ТГУ, 83 человека	Чебоксары, ЧГУ, 323 человека	Киров, ВГУ, 93 человека
Возраст	17–22 $M = 19.00$ $SD = 0.67$	17–22 $M = 19.00$ $SD = 0.67$	16–28 $M = 21.23$ $SD = 2.44$	17–37 $M = 20.2$ $SD = 2.3$	17–29 $M = 19.59$, $SD = 1.97$
Пол	280 юношей, 3 девушки	29 юношей, 88 девушек, 5 не указано	20 юношей, 62 девушки, 1 не указан	89 юношей, 233 девушки, 1 не указан	23 юноши, 70 девушек
Специализация	Инженерное дело	Лечебное дело	Лечебное дело	Лечебное дело, стоматология, психология, юриспруденция, менеджмент	Психология, педагогика

Методики

• “Переработанный опросник — Опыт близких отношений” состоит из 36 пунктов, оцениваемых по 7-балльной шкале Ликерта, и двух шкал: тревожности (“Я беспокоюсь, что не буду так же важен(-на) для любимых людей, как они для меня”) и избегания (“Мне довольно сложно позволить себе полагаться на любимых людей”).

• Опросник временной перспективы (*Zimbardo Time Perspective Inventory*, [40], адаптация Сырцовой, Митиной [8]) состоит из 56 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале Ликерта, и пяти шкал. Две измеряют негативную временную перспективу личности, которая состоит из “негативного прошлого”, что представляет собой негативный взгляд на события своей жизни, переживание покинутости, заброшенности, прошлых болезненных отношений и собственных ошибок; и “фаталистического настоящего”, то есть внутреннего актуального ощущения “тупика”, неверия, что сложившуюся ситуацию возможно изменить. Две шкалы измеряют позитивную временную перспективу: “позитивное прошлое” — любовь к традициям, теплые воспоминания о детстве, семье и школе, склонность к приятной ностальгии; и “будущее” — готовность работать на отдаленные цели и жертвовать ради них сиюминутными удовольствиями, нацеленность на результат. Шкала “гедонистического настоящего” является “условно” позитивной: с одной стороны, набирающие высокие баллы по этой шкале ценят удовольствия и приятное времяпрепровождение, ищут новые (часто острые) ощущения, однако с другой стороны — эта шкала оказалась связана с рискованным поведением [40], поэтому мы вынесли ее из гипотезы о негативной связи позитивной временной перспективы со шкалами опросника “Опыт близких отношений”.

• Тест жизнестойкости (*Hardiness Survey*, [30], адаптация Леонтьева, Рассказовой, [5])

состоит из 45 пунктов, оцениваемых по 4-балльной шкале Ликерта, и трех шкал: “вовлеченности”, которая представляет собой увлеченность деятельностью, приверженность ей, ощущение своего дела как важного и стоящего; “контроль” — готовность бороться за результат своей работы, брать на себя ответственность, ощущение свободного выбора; “принятие риска” — готовность рисковать ради результата, мечтать, брать реванш, пробовать новое. В соответствии с концепцией жизнестойкости С. Мадди, это три ключевых составляющих плодотворной деятельности, а человек, который жизнестоек, по определению менее подвержен стрессу и способен совладать с ним.

Обработка результатов проводилась в программах *EQS 6.2* и *SPSS 20.0* с использованием конфирматорного факторного анализа, вычислением альфа Кронбаха, корреляционного анализа Пирсона, описательной статистики, *t*-критерия Стьюдента и *d* Коэна для выявления гендерных различий.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Структура опросника

Оригинальный опросник имеет две шкалы, измеряющие два проявления эмоциональной привязанности: тревожность и избегание, в каждую из которых входит по 18 утверждений. В шкале тревожности 2 обратных утверждения, в шкале избегания — 12. По данным авторов, шкалы опросника умеренно коррелируют ($r = 0.4$, $p < 0.001$).

Для адаптации был выполнен прямой и обратный симметричный перевод опросника. Это позволило удостовериться в адекватности русского перевода и подобрать более точные фразы. Кроме того, для контроля валидности несколько человек в свободной форме описали, что они понимают под предложенными нами утверждениями. Всего было испробовано 8 моделей “Переработанного опросника — Опыт близких отношений” (табл. 2).

Таблица 2. Показатели согласованности конфирматорных моделей с эмпирическими данными

Модель	χ^2	df, p	CFI	$SRMR$	$RMSEA$	90% CI
1	2295.43	630, $p < 0.001$	0.824	0.076	0.06	0.058–0.063
2	1632.44	570, $p < 0.001$	0.89	0.04	0.049	0.046–0.051
3	1257.71	413, $p < 0.001$	0.907	0.038	0.051	0.048–0.054
4	4023.08	593, $p < 0.001$	0.645	0.107	0.085	0.083–0.088
5	862.477	471, $p < 0.001$	0.96	0.057	0.032	0.029–0.036
6	179.423	76, $p < 0.001$	0.936	0.102	0.041	0.034–0.049
7	148.488	53, $p < 0.001$	0.963	0.034	0.048	0.039–0.057
8	211.834	91, $p < 0.001$	0.958	0.036	0.047	0.040–0.055

Примечание. df — число степеней свободы, p — p -значение, задаваемое соответствующим χ^2 при данном количестве степеней свободы, CFI — сравнительный индекс согласия Бентлера, $SRMR$ — стандартизированный корень среднееквadraticеского остатка, $RMSEA$ — корень среднееквadraticеской ошибки аппроксимации, 90% CI — границы доверительного интервала для $RMSEA$.

В модели 1 разбиение пунктов по шкалам было выполнено по первоначальному ключу. Все нагрузки были значимы, знаки соответствовали ключу. Однако согласованность была невысокая.

После того как были добавлены дополнительные детерминации переменных факторами, соответствующими шкалам, изначально эти пункты не включающим (модель 2), мы достигли более высокой согласованности, а большинство пунктов оказались полинагруженными (т.е. имеющими значимые нагрузки по обоим факторам), (табл. 3). Нагрузки всех пунктов по факторам, соответствующим шкалам по ключу, были согласованы с этим ключом независимо от того, были ли эти пункты монопредetermined (нагружены только одним фактором) или полипредetermined (т.е. нагружены двумя факторами). При этом все основные нагрузки по прямым и обратным пунктам соответствовали ключу и имели положительные и отрицательные знаки соответственно.

Получившиеся полипредetermined пункты (имеющие значимые нагрузки по обоим факторам) можно условно разделить на две группы: те, у которых факторные нагрузки имеют разные знаки, и те, у которых факторные нагрузки имеют одинаковые знаки. Положительная корреляция между шкалами говорит о том, что тревожные люди стремятся к избеганию как к защитному механизму; а ситуации разных по знаку факторных нагрузок можно проинтерпретировать как то, что тревожные люди обращаются к другим в надежде снизить тревожность (то есть не избегают людей).

Пункты 8, 22 и 35 имеют самые невысокие факторные нагрузки (табл. 3). Поэтому мы также проанализировали, насколько данные согласованы с моделью без этих пунктов (модель 3). Некоторые показатели улучшились (*CFI*, *SRMR*), но некоторые (*RMSEA*) — ухудшились (табл. 2). Так как строгих теоретических соображений о том, что эти пункты нужно удалить из опросника, нет, было решено их оставить и перейти к следующей модели.

Из таблицы 3 видно, что большинство пунктов полинагружены, и их можно отнести либо к положительному сочетанию тревожности и избегания (знаки факторных нагрузок совпадают) ($a_1F_1 + a_2F_2$, $a_1 \cdot a_2 > 0$), либо к отрицательному ($a_1 \cdot a_2 < 0$) (знаки факторных нагрузок различаются). Таким образом, можно ввести факторы, соответствующие типам привязанности: F_3 (надежный тип: $a_1 < 0$, $a_2 < 0$) и F_4 (прилипчивый: $a_1 > 0$, $a_2 < 0$), соответственно — F_3 (робкий, $a_1 > 0$, $a_2 > 0$), а — F_4 (безразличный: $a_1 < 0$, $a_2 > 0$). Но показатели такой модели (4-й) хуже, чем показатели модели 1 (табл. 2).

Таким образом, согласно нашим данным, корректен подход выделения категорий тревожного и избегающего стилей привязанности как

задающих возможные стили. Модель 5 основана на добавлении корреляций остаточных членов (табл. 3). Эти корреляции добавляются исходя из предположения, что эмпирическая корреляционная связь между пунктами объясняется не только детерминацией совместных факторов, но и семантической близостью выражений. Например, корреляция пунктов по избеганию связана с желанием (нежеланием) выражать чувства к близкому человеку, другие пункты коррелируют, потому что они посвящены возможности делиться мыслями. Аналогично с тревожностью: в какой-то паре пунктов идет речь о тревожности в связи с низкой самооценкой, а в какой-то — в связи с игнорированием. В результате добавления таких показателей мы можем достичь согласованности, что и было получено (По [6; 16]: $RMSEA < 0.05$, $CFI \geq 0.95$, $SRMR < 0.06$). В такой модели все факторные нагрузки оказываются высокосignificant, и можно с определенной долей уверенности говорить о том, что все детерминации факторов учитывают только влияние самих факторов.

В модели 6 были удалены пункты, которые дают наибольшие остаточные члены в коэффициентах парной корреляции, т.е. такие, у которых разницы между эмпирическим и модельным коэффициентом самые большие. Большие остаточные члены соответствуют ситуациям, когда связь между конкретной парой наблюдаемых переменных плохо объясняется моделью. Поскольку показатель χ^2 прямо пропорционален сумме модулей остаточных членов, то удаление переменных, создающих большие остаточные члены, приводит к уменьшению χ^2 , а значит к лучшей согласованности модели с эмпирическими данными. Результат по показателям согласованности представлен в таблице 2.

1. Надежность шкал

Показатели альфа Кронбаха в модели 6 для шкалы тревожного стиля привязанности — 0.829, для шкалы избегающего стиля привязанности — 0.663. Альфа Кронбаха моделей 1 и 5 (полная версия опросника) — 0.881 для шкалы тревожности и 0.879 для шкалы избегания. Модель 3 (исключенные пункты 8, 22 и 35) дает 0.822 для шкалы тревожности и 0.886 для шкалы избегания.

Альфа Кронбаха нидерландского опросника была 0.94 для шкалы избегания и 0.92 для шкалы тревожности (полная версия). Альфа Кронбаха итальянской версии — 0.88 и 0.79 для шкал тревожности и избегания, сербской — 0.9 и 0.89, немецкой — 0.91 и 0.92.

В связи с недостаточной внутренней согласованностью шкалы избегания было решено исключить пункты 17 и 35, как в модели с эксплораторным факторным анализом [10]. Показатели (модель 7,

Таблица 3. Факторные нагрузки на пункты в рамках Модели 2 и Модели 5

Пункт	Модель 2		Модель 5	
	Тревожность (F1)	Избегание (F2)	Тревожность F1	Избегание F2
1.* В трудную минуту мне легче, когда мой любимый человек рядом.	0.290	−0.648		−0.403
2. Мои отношения с любимым человеком часто дают мне повод сомневаться в себе.	0.433	0.157	0.537	
3.* Мне легко выражать чувства к своему(-ей) любимому(-ой) на людях.	0.158	−0.569		−0.419
4.* Мне легко делиться сокровенными мыслями и чувствами со своим(-ей) любимым(-ой).	0.272	−0.850		−0.634
5.* Я обсуждаю со своим(-ей) любимым(-ой) то, что происходит между нами.	0.245	−0.757		−0.511
6.* Мне относительно легко устанавливать доверительные отношения со своим(-ей) любимым(-ой).		−0.691		−0.694
7. Мне трудно раскрывать душу перед любимыми людьми.	0.156	0.496		0.608
8. Кажется, мой(-я) любимый(-ая) замечает меня, только когда я злюсь.	0.284	0.269	0.472	
9. Я часто беспокоюсь, что мой(-я) любимый(-ая) не захочет продолжать со мной отношения.	0.733		0.725	
10. Я беспокоюсь, что не достоин(-йна) других людей.	0.459	0.175	0.559	
11. Я нервничаю, когда любимые люди лезут мне в душу.	0.203	0.437		0.556
12.* Я редко беспокоюсь, что мой(-я) любимый(-ая) меня оставит.	−0.111		−0.131	
13. Мне довольно сложно позволить себе полагаться на любимых людей.	0.175	0.484		0.631
14. Я часто беспокоюсь, что мой(-я) любимый(-ая) в действительности меня не любит.	0.713	0.116	0.781	
15. Я беспокоюсь, что не буду так же важен(-на) для любимых людей, как они для меня.	0.714		0.688	
16. Я много волнуюсь из-за своих отношений.	0.743	−0.125	0.641	
17.* Мне не трудно устанавливать доверительные отношения со своим(-ей) любимым(-ой).		−0.387		−0.388
18.* Мой(-я) любимый(-ая) действительно понимает меня и мои потребности.	−0.032	−0.595		−0.627
19. Я боюсь, что когда любимый человек узнает меня поближе, ему (ей) не понравится то, какой(-ая) я на самом деле.	0.406	0.278	0.562	
20. Мне становится неудобно, когда любимый человек хочет более доверительных отношений.	0.125	−0.515		0.535
21.* Мне очень легко устанавливать доверительные отношения с любимыми людьми.		−0.643		−0.659
22. Я часто хочу, чтобы чувства моего(-ей) любимого(-ой) ко мне были так же сильны, как и мои чувства к нему (к ней).	0.366	−0.383	0.077	
23. Порой любимые люди меняют свои чувства ко мне без явной причины.	0.482	0.135	0.515	
24. Меня сводит с ума, что я не получаю нужные мне расположение и поддержку от своего(-ей) любимого(-ой).	0.638		0.595	
25. Я предпочитаю не слишком доверять любимым людям.	0.123	0.535		0.591
26.* Мне удобно полагаться в чем-то на любимых людей.	0.121	−0.448		−0.38
27. Когда я проявляю свои чувства к любимым людям, я боюсь, что они не будут чувствовать то же ко мне.	0.692		0.658	
28. Когда моего(-ей) любимого(-ой) нет рядом, я волнуюсь, что он (она) может заинтересоваться кем-то еще.	0.648		0.648	
29.* Я рассказываю своему(-ей) любимому(-ой) просто обо всем.	0.280	−0.675		−0.464
30.* Я не часто волнуюсь о том, что меня бросят.	−0.411		−0.426	
31.* Я легко могу попросить о чем-то любимых людей.		−0.576		−0.584
32.* Обычно я обсуждаю с любимым(-ой) свои проблемы и заботы.	0.320	−0.760		−0.535
33. Я нахожу, что мой (мои) любимый(-е) не стремятся(-ятся) к столь же доверительным отношениям, что и я.	0.419	0.170	0.523	
34. Я боюсь, что потеряю любовь своего(-ей) любимого(-ой).	0.700	−0.165	0.572	
35. Я предпочитаю не показывать любимому(-ой), как сильно я расстроен(а).		0.154		0.143
36. Мое желание быть ближе к людям порой отпугивает их.	0.490		0.477	

Примечание. Все нагрузки значимы на уровне $p < 0.05$. Звездочкой отмечены обратные пункты.

Таблица 4. Корреляции шкал опросника привязанности со шкалами опросников временной перспективы и жизнестойкости ($N = 793$)

	Тревожность	Избегание
Негативное прошлое	0.51	0.41
Гедонистическое настоящее	0.21	
Будущее	−0.22	−0.21
Позитивное прошлое	−0.18	−0.25
Фаталистическое настоящее	0.40	0.36
Вовлеченность	−0.55	−0.48
Контроль	−0.49	−0.41
Принятие риска	−0.48	−0.44
Жизнестойкость	−0.56	−0.49
Тревожность		0.51
Избегание	0.51	

Примечание. Уровень достоверности корреляций $p < 0.001$.

Таблица 5. Балльные нормы тревожного и избегающего стиля привязанности для юношей ($N = 417$) и девушек ($N = 369$)

	Юноши		Девушки	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Тревожный стиль	2.72	1.14	3.03	1.26
Избегающий стиль	2.98	0.84	3.21	0.92

табл. 2) значительно улучшились. Однако альфа Кронбаха осталась невысокой — 0.713, кроме того, 5 пунктов — недостаточная наполненность шкалы, и поэтому мы вернули пункты 11 (“Я нервничаю, когда любимые люди лезут мне в душу”) и 20 (“Мне становится неуютно, когда любимый человек хочет более доверительных отношений”). Альфа Кронбаха выросла — 0.785. Хотя в последней версии (модель 8, табл. 2) χ^2 вырос, что является несколько неблагоприятным показателем, *CFI* и другие показатели достаточно благоприятны, и было решено оставить этот вариант опросника (окончательную версию с ключом можно увидеть в Приложении).

2. Конструктивная валидность

Полученные шкалы коррелировали между собой чуть выше, чем в оригинальной версии ($r = 0.51$), подтвердились гипотезы о связях с другими конструктами (табл. 4). Кроме того, уровень корреляций позволил сопоставить данные связи с представлениями о стилях привязанности авторов концепции. Так, средний уровень положительных связей ($r = 0.4–0.5$) со шкалами негативного прошлого и фаталистического настоящего (негативная временная перспектива) и отрицательная корреляция со всеми шкалами жизнестойкости наблюдался с тревожными проявлениями привязанности. Для шкалы избегания эти корреляции также были значимы, хотя их величины были несколько меньше — эти люди привыкли полагаться на себя. Кроме того, шкала тревожности в привязанности имела невысокую, но значимую корреляцию со шкалой гедонистического настоя-

щего. Вероятно, это связано с тем, что люди, склонные к тревоге в отношениях, больше ориентированы на негативные результаты общения: как в прошлом (склонны вспоминать о плохом), так и в настоящем (не видят возможности изменений). В качестве механизма компенсации они склонны обращаться к сиюминутным удовольствиям, испытывать себя и мир на прочность. Избегание в привязанности выше отрицательно коррелировало с позитивным прошлым, и это также объяснимо: эти люди помнят меньше плохого, но и меньше хорошего из своего прошлого, так как держат большую дистанцию.

3. Гендерные различия

Чтобы проверить нормальность распределения значений по шкалам, были подсчитаны асимметрия и эксцесс. Они не превышали 1, поэтому был сделан вывод о том, что распределение можно считать нормальным. Для подсчета гендерных различий использовался *t*-критерий Стьюдента и *d* Коэна. Для тревожных проявлений привязанности $t(784) = -3.680$, $p < 0.001$, $CI(-0.48; -0.15)$, $d_{Cohen} = 0.259$, то есть имел низкую практическую значимость (1/4 от стандартного отклонения). Для избегающих проявлений привязанности $t(784) = -3.812$, $p < 0.001$, $CI(-0.36; -0.12)$, $d_{Cohen} = 0.26$ (также 1/4 от стандартного отклонения).

4. Ретест

Корреляция между стилями привязанности в первом и втором замере составила $r = 0.86$ для тревожных и $r = 0.77$ для избегающих проявлений. Эти показатели говорят в пользу привязанности как черты, хотя также они свидетельствуют о том, что избегание может быть более варибель-

ным. Возможно, сказался сам факт второго замера: люди были более открыты, и, как следствие, оценивали свое избегание ниже.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Методика “Переработанный опросник — Опыт близких отношений” прошла успешную адаптацию на выборке студентов разных специальностей. Конфирматорный факторный анализ подтвердил оригинальную структуру краткого опросника с учетом особенностей вербализаций пунктов. Шкалы показали высокую надежность, была воспроизведена умеренная корреляция между шкалами. Конструктивная валидность шкал была подтверждена положительной корреляцией со шкалами негативной временной перспективы и отрицательной корреляцией со шкалами позитивной временной перспективы и жизнестойкости, как и следует из теории привязанности о дезадаптивности ненадежных стилей привязанности, при этом избегающие проявления привязанности чуть менее дезадаптивны вследствие “компульсивного самополагания”. Ретест показал умеренную стабильность шкалы во времени.

Ограничение нашего исследования заключается в том, что оно проводилось на студентах (18–25 лет), для которых еще редко свойственны длительные отношения. Кроме того, не фиксировалось, состоит ли человек в отношениях или состоял в прошлом, и не проводилось различий между такими обстоятельствами. Данная позиция вызвана идеей авторов теории, что взрослая привязанность является универсальной, и любой человек способен вспомнить или вообразить себя в таких отношениях [32]. Тем не менее пять человек отказались участвовать в опросе именно по причине отсутствия в их жизни романтического партнера. Представляется актуальным проведение исследования привязанности у взрослых, состоящих в длительных любовных отношениях (от 3–5 лет и более), а также применить метод возрастных срезов и проверить, есть ли различия в романтической привязанности у людей в 20, 40, 60 лет.

Также представляется важным проведение исследования на соответствие шкал опросника конструктам, более тесно связанными с близкими отношениями: одиночеством, отчуждением, самооценке. В данный момент нами проводится такая работа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
2. Бриш К. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике. М.: Когито-Центр, 2012.
3. Бурменская Г.В. Проблемы онто- и филогенеза привязанности к матери в теории Джона Боулби // Привязанность / Дж. Боулби. М.: Гардарики, 2003. С. 5–20.
4. Казанцева Т.В. Адаптация модифицированной методики “Опыт близких отношений” К. Бреннан и Р.К. Фрейли // Педагогика, психология, теория и методика обучения. 2008. Т. 74. № 2. С. 139–143.
5. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
6. Митина О.В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 131–148.
7. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.
8. Сырцова А., Митина О.В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 41–54.
9. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11. № 1. С. 8–20.
10. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Казанцева В.Н. Адаптация методики “Опыт близких отношений — переработанный опросник” на русскоязычной выборке и изучение стилей привязанности молодых людей в остром постсуициде // Психологическая диагностика. 2015. № 1. С. 6–23.
11. Ainsworth M., Blehar M., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: Assessed in the Strange Situation and at home. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
12. Bartholomew K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective // Journal of social and personal relationships. 1990. V. 7. № P. 147–178.
13. Bartholomew K., Horowitz, L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model // Journal of personality and social psychology. 1991. V. 61. P. 226–244.
14. Brennan K., Clark C., Shaver P. Self-report measurement of adult romantic attachment: An integrative overview // Attachment theory and close relationships / Eds. J. Simpson, W. Rholes. N.Y.: Guilford Press, 1998. P. 46–76.
15. Busonera A., Martini P.S., Zavattini G.C., Santona A. Psychometric properties of an Italian version of the Experiences in Close Relationships-Revised (ECR-R) Scale // Psychological reports. 2014. V. 114. № 3. P. 785–801.
16. Byrne B.M. Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming. N.Y.: Routledge, 2012.
17. Ehrenthal J.C., Dinger U., Lamla A., Funken B., Schauenburg H. Evaluation of the German version of the attachment questionnaire “Experiences in Close Relationships-Revised” (ECR-RD) // Psychotherapie, psychosomatik, medizinische psychologie. 2009. V. 59. № 6. P. 215–223.
18. Ein-Dor T., Doron G., Solomon Z., Mikulincer M., Shaver P.R. Together in pain: Attachment-related dyadic processes and post-traumatic stress disorder // Journal of counseling psychology. 2010. V. 57. № 3. P. 317–327.
19. Fraley R.C., Waller N.G., Brennan K.A. An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment. // Journal of personality and social psychology. 2000. V. 78. № 2. P. 350–365.
20. George C., Solomon J. Attachment and caregiving: The caregiving behavioral system // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. N.Y.: Guilford Press. 1999. P. 649–670.
21. Granqvist P., Mikulincer M., Gewirtz V., Shaver P.R. Experimental findings on God as an attachment figure: Normative processes and moderating effects on internal working models // Journal of personality and social psychology. 2012. V. 103. № 5. P. 804–818.
22. Hanak N., Dmitrijevic A. A Serbian version of modified and Revised Experiences in Close Relationships scale (SM-ECR-R) // Journal of personality assessment. 2013. V. 95. № 5. P. 530–538.
23. Hart J., Shaver P., Goldenberg J. Attachment, self-esteem,

- worldviews, and terror management: Evidence for a tripartite security system // *Journal of personality and social psychology*. 2005. V. 88. № 6. P. 999–1013.
24. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process. // *Journal of personality and social psychology*. 1987. V. 52. № 3. P. 511–524.
 25. Hoff-Esbjorn B., Breinholst S., Niclasen J., Skovgaard L.F., Lange K., Reinholdt-Dunne M.L. Identifying the best-fitting factor structure of the Experience of Close Relationships – Revised in a Scandinavian example // *PLoS ONE*. 2015. V. 10. № 9. e0137218.
 26. Jacobvitz D., Curran M., Moller N. Measurement of adult attachment: The place of self-report and interview methodologies // *Attachment and human development*. 2002. V. 4. № 2. P. 207–215.
 27. Kim S.-H., Sherry A.R., Lee Y.-S., Kim C.-D. Psychometric properties of a translated Korean adult attachment measure // *Measurement and evaluation in counseling and development*. 2011. V. 44. № 3. P. 135–150.
 28. Kooiman C.G., Klaassens E.R., van Heloma Lugt J.Q., Kamperman A.M. Psychometrics and validity of the Dutch experiences in Close Relationships–Revised (ECR–r) in an outpatient mental health sample // *Journal of personality assessment*. 2013. V. 95. № 2. P. 217–224.
 29. Lavy S., Mikulincer M., Shaver P.R. Intrusiveness from an attachment theory perspective: A dyadic diary study // *Personality and individual differences*. 2013. V. 55. № 8. P. 972–977.
 30. Maddi S. Dispositional hardness in health and effectiveness // *Encyclopedia of mental health* / Ed. H.S. Friedman. San Diego (CA): Academic Press, 1998. P. 323–335.
 31. Main M., & Solomon J. (1986). Discovery of a new, insecure-disorganized / disoriented attachment pattern. // *Affective development in infancy* / Eds. Yogman M. & Brazelton T. B. Norwood, NJ: Ablex. P. 95–124.
 32. Mikulincer M., Shaver P. Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. N.Y.: Guilford Press. 2010.
 33. Rotaru T.-S., Rusu A. Psychometric properties of the Romanian version of Experiences in Close Relationships-Revised questionnaire (ECR-R) // *Procedia – Social and behavioral sciences*. 2013. V. 78. P. 51–55.
 34. Shaver P.R., Belsky J., Brennan K.A. The Adult Attachment Interview and self-reports of romantic attachment: Associations across domains and methods // *Personal relationships*. 2000. V. 7. № 1. P. 25–43.
 35. Shaver P.R., Mikulincer M. What do self-report attachment measures assess? // *Adult attachment: New directions and emerging issues* / Eds. J.A. Simpson, W.S. Rholes. New York: Guilford Press. 2004. P. 17–54.
 36. Sibley C.G., Fischer R., Liu J.H. Reliability and validity of the Revised Experiences in Close Relationships (ECR-R) self-report measure of adult romantic attachment // *Personality and social psychology bulletin*. 2005. V. 31. № 11. P. 1524–1536.
 37. Tolmacz R., Mikulincer M. The sense of entitlement in romantic relationships – scale construction, factor structure, construct validity, and its associations with attachment orientations // *Psychoanalytical psychology*. 2011. V. 28. № 1. P. 75–94.
 38. Wongpakaran T., Wongpakaran N. A short version of the revised 'Experiences of Close Relationships Questionnaire': Investigating non-clinical and clinical samples // *Clinical practice and epidemiology in mental health*. 2012. V. 8. P. 36–42.
 39. Zilcha-Mano S., Mikulincer M., Shaver P.R. Pet in the therapy room: An attachment perspective on Animal Assisted Therapy // *Attachment and human development*. 2011. V. 13. № 6. P. 541–561.
 40. Zimbardo P., Boyd J. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of personality and social psychology*. 1999. V. 77. № 6. P. 1271–1288.

ADAPTATION ON A RUSSIAN SAMPLE OF THE SHORT VERSION OF EXPERIENCE IN CLOSE RELATIONSHIPS-REVISED QUESTIONNAIRE

K. A. Chistopolskaya^{1*}, O. V. Mitina^{2**}, S. N. Enikolopov^{3***}, E. L. Nikolaev^{4****},
G. I. Semikin^{5*****}, S. A. Chubina^{6*****}, S. N. Ozol^{7*****},
S. E. Drovosekov^{8*****}

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction; 119991, Moscow, Kropotkinskiy per., 23, Russia.

² Lomonosov Moscow State University; 125009, Moscow, Mokhovaya ul., 11/9, Russia.

³ Mental Health Research Centre; 115522, Moscow, Kashirskoe sh., 34, Russia.

⁴ Ulianov Chuvash State University; 428015, Cheboksary, Moskovskiy pr., 15, Russia.

⁵ Bauman Moscow State Technical University; 105005, Moscow, 2nd Baumanskaya ul., 5/1, Russia.

⁶ Kamenev Tula Regional Clinical Psychiatric Hospital N.1, 301105, Tula, Leninskiy Rayon, p. Petelino, Russia.

⁷ Pavlov Ryazan State Medical University; 390026, Ryazan, Vysokovoltynaya ul., 9, Russia.

⁸ Vyatka State University; 610000, Kirov, Moskovskaya ul., 36, Russia.

*Junior research fellow of the suicidology department. E-mail: ktchist@gmail.com

**PhD (psychology) Leading research fellow of the laboratory of psychology of communication.
E-mail: omitina@inbox.ru

***PhD (psychology), professor, head of the department of clinical psychology. E-mail: enikolopov@mail.ru

****Sc.D. (medicine), associate professor, head of the chair of clinical psychology, faculty of management and social technologies. E-mail: pzdorovie@bk.ru

*****Sc.D. (medicine), professor, head of the chair of valeology. E-mail: semikin@bmstu.ru

***** Head of the department. E-mail: sonyaost@yandex.ru

***** PhD student at the chair of psychiatry. E-mail: ozolsergey7@gmail.com

***** Lector at the chair of practical psychology, faculty of education and psychology.
E-mail: drovosekov89@gmail.com

Received 20.08.2017

Abstract. Adult romantic attachment is an important and promising subject of psychological research, which has an application in psychotherapy of various groups of patients and couples. The objective of the present study is to adapt the Experience in Close Relationships – Revised questionnaire on a Russian sample and to verify its construct validity on the basis of correlations with the Zimbardo Time Perspective Inventory and Hardiness Survey. The sample consisted of 793 students of technical, humanitarian and medical disciplines from Moscow, Cheboksary, Ryazan and Tula (369 females, 417 males, 7 undefined;

aged 18–25, $M = 20$, $SD = 2.1$). We managed to compose a compact 14-item version of this questionnaire, which reflects best the studied phenomena. Confirmatory factor analysis of this model confirmed the structure of the inventory ($CFI = .958$, $SRMR = .036$, $RMSEA = .047$). The value of the Cronbach's α for the anxious style of attachment scale is .881, for the avoidant style of attachment scale is .785. Pearson correlation analysis confirmed the positive relationship of the questionnaire's scales with the scales of negative time perspective and negative relationship with the scales of positive time perspective and hardiness, which matches the main statements of the theory of adult attachment. The retest showed high stability of the scales ($r = .86$ for anxious style of attachment and $r = .77$ for avoidant style of attachment). Thus, the short Russian version of the Experience in Close Relationships – Revised questionnaire is a valid and reliable instrument for the evaluation of styles of adult romantic attachment.

Keywords: adult attachment, romantic attachment, avoidant style, anxious style, secure style, hardiness, time perspective.

REFERENCES

1. Bowlby J. Privyazannost'. Moscow: Gardariki, 2003. (in Russian)
2. Brisch K. Terapiya narushenii privyazannosti. Ot teorii k praktike. Moscow: Kogito-Tsentr, 2012. (in Russian)
3. Burmenskaya G.V. Problemy onto- i filogeneza privyazannosti k materi v teorii Dzhona Boulbi // Privyazannost' / J. Bowlby. Moscow: Gardariki, 2003. P. 5–20. (in Russian)
4. Kazantseva T.V. Adaptatsiya modifitsirovannoi metodiki “Opyt blizkikh otnoshenii” K. Brennan i R.C. Fraley // Pedagogika, psikhologiya, teoriya i metodika obucheniya. 2008. V. 74. № 2. P. 139–143. (in Russian)
5. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti. Moscow: Smysl, 2006. (in Russian)
6. Mitina O.V. Modelirovanie latentnykh izmenenii s pomoshch'yu strukturnykh uravnenii // Eksperimental'naya psikhologiya. № 1. 2008. P. 131–148. (in Russian)
7. Sabelnikova N.V., Kashirsky D.V. Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam // Psikhologicheskii zhurnal. V. 36. № 4. P. 84–97. (in Russian)
8. Syrtsova A., Mitina O.V. Vozrastnaya dinamika vremennykh orientatsii lichnosti. // Voprosy psikhologii. 2008. № 2. P. 41–54. (in Russian)
9. Chistopol'skaya K.A., Enikolopov S.N. Otnoshenie k smerti posle popytki samoubijstva: stigmatizatsiya i samostigmatizatsiya suitsidal'nykh patsientov // Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii. 2015. V. 11. № 1. P. 8–20. (in Russian)
10. Chistopol'skaya K.A., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Kazantseva V.N. Adaptatsiya metodiki “Opyt blizkikh otnoshenii — pererabotannyi oprosnik” na russkoyazychnoi vyborke i izuchenie stilei privyazannosti molodykh lyudei v ostrom postsuitside // Psikhologicheskaya diagnostika. 2015. № 1. P. 6–23. (in Russian)
11. Ainsworth M., Blehar M., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: Assessed in the Strange Situation and at home. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
12. Bartholomew K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective // Journal of social and personal relationships. 1990. V. 7. № P. 147–178.
13. Bartholomew K., Horowitz, L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model // Journal of personality and social psychology. 1991. V. 61. P. 226–244.
14. Brennan K., Clark C., Shaver P. Self-report measurement of adult romantic attachment: An integrative overview // Attachment theory and close relationships / Eds. J. Simpson, W. Rholes. N.Y.: Guilford Press, 1998. P. 46–76.
15. Busonera A., Martini P.S., Zavattini G.C., Santona A. Psychometric properties of an Italian version of the Experiences in Close Relationships-Revised (ECR-R) Scale // Psychological reports. 2014. V. 114. № 3. P. 785–801.
16. Byrne B.M. Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming. N.Y.: Routledge, 2012.
17. Ehrental J.C., Dinger U., Lamla A., Funken B., Schauenburg H. Evaluation of the German version of the attachment questionnaire “Experiences in Close Relationships-Revised” (ECR-RD) // Psychotherapie, psychosomatik, medizinische psychologie. 2009. V. 59. № 6. P. 215–223.
18. Ein-Dor T., Doron G., Solomon Z., Mikulincer M., Shaver P.R. Together in pain: Attachment-related dyadic processes and posttraumatic stress disorder // Journal of counseling psychology. 2010. V. 57. № 3. P. 317–327.
19. Fraley R.C., Waller N.G., Brennan K.A. An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment. // Journal of personality and social psychology. 2000. V. 78. № 2. P. 350–365.
20. George C., Solomon J. Attachment and caregiving: The caregiving behavioral system // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. N.Y.: Guilford Press. 1999. P. 649–670.
21. Granqvist P., Mikulincer M., Gewirtz V., Shaver P.R. Experimental findings on God as an attachment figure: Normative processes and moderating effects on internal working models // Journal of personality and social psychology. 2012. V. 103. № 5. P. 804–818.
22. Hanak N., Dmitrijevic A. A Serbian version of modified and Revised Experiences in Close Relationships scale (SM-ECR-R) // Journal of personality assessment. 2013. V. 95. № 5. P. 530–538.
23. Hart J., Shaver P., Goldenberg J. Attachment, self-esteem, worldviews, and terror management: Evidence for a tripartite security system // Journal of personality and social psychology. 2005. V. 88. № 6. P. 999–1013.
24. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process. // Journal of personality and social psychology. 1987. V. 52. № 3. P. 511–524.
25. Hoff-Esbjorn B., Breinholst S., Niclasen J., Skovgaard L.F., Lange K., Reinholdt-Dunne M.L. Identifying the best-fitting factor structure of the Experience of Close Relations – Revised in a Scandinavian example // PLoS ONE. 2015. V. 10. № 9. e0137218.
26. Jacobvitz D., Curran M., Moller N. Measurement of adult attachment: The place of self-report and interview methodologies // Attachment and human development. 2002. V. 4. № 2. P. 207–215.
27. Kim S.-H., Sherry A.R., Lee Y.-S., Kim C.-D. Psychometric properties of a translated Korean adult attachment measure // Measurement and evaluation in counseling and development. 2011. V. 44. № 3. P. 135–150.
28. Kooiman C.G., Klaassens E.R., van Heloma Lugt J.Q., Kamperman A.M. Psychometrics and validity of the Dutch experiences in Close Relationships-Revised (ECR-r) in an outpatient mental health sample // Journal of personality assessment. 2013. V. 95. № 2. P. 217–224.
29. Lavy S., Mikulincer M., Shaver P.R. Intrusiveness from an attachment theory perspective: A dyadic diary study // Personality and individual differences. 2013. V. 55. № 8. P. 972–977.
30. Maddi S. Dispositional hardiness in health and effectiveness // Encyclopedia of mental health / Ed. H.S. Friedman. San Diego (CA): Academic Press, 1998. P. 323–335.
31. Main M., & Solomon J. (1986). Discovery of a new, insecure-disorganized / disoriented attachment pattern. // Affective development in infancy / Eds. Yogman M. & Brazelton T. B. Norwood, NJ: Ablex. P. 95–124.
32. Mikulincer M., Shaver P. Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. N.Y.: Guilford Press. 2010.
33. Rotaru T.-S., Rusu A. Psychometric properties of the Romanian version of Experiences in Close Relationships-Revised

- questionnaire (ECR-R) // *Procedia — Social and behavioral sciences*. 2013. V. 78. P. 51–55.
34. *Shaver P.R., Belsky J., Brennan K.A.* The Adult Attachment Interview and self-reports of romantic attachment: Associations across domains and methods // *Personal relationships*. 2000. V. 7. № 1. P. 25–43.
35. *Shaver P.R., Mikulincer M.* What do self-report attachment measures assess? // *Adult attachment: New directions and emerging issues* / Eds. J.A. Simpson, W.S. Rholes. New York: Guilford Press. 2004. P. 17–54.
36. *Sibley C.G., Fischer R., Liu J.H.* Reliability and validity of the Revised Experiences in Close Relationships (ECR-R) self-report measure of adult romantic attachment // *Personality and social psychology bulletin*. 2005. V. 31. № 11. P. 1524–1536.
37. *Tolmacz R., Mikulincer M.* The sense of entitlement in romantic relationships — scale construction, factor structure, construct validity, and its associations with attachment orientations // *Psychoanalytical psychology*. 2011. V. 28. № 1. P. 75–94.
38. *Wongpakaran T., Wongpakaran N.* A short version of the revised 'Experience of Close Relationships Questionnaire': Investigating non-clinical and clinical samples // *Clinical practice and epidemiology in mental health*. 2012. V. 8. P. 36–42.
39. *Zilcha-Mano S., Mikulincer M., Shaver P.R.* Pet in the therapy room: An attachment perspective on Animal Assisted Therapy // *Attachment and human development*. 2011. V. 13. № 6. P. 541–561.
40. *Zimbardo P., Boyd J.* Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of personality and social psychology*. 1999. V. 77. № 6. P. 1271–1288.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткая версия “Переработанного опросника — опыт близких отношений” (ECR-R)

Инструкция. Данные утверждения касаются Ваших чувств в близких отношениях. Нас интересует Ваш опыт в целом, а не то, что происходит в текущих отношениях. Пожалуйста, при оценке используйте следующую шкалу:

(1) совершенно не согласен — (4) что-то среднее — (7) полностью согласен

Пожалуйста, ответьте на ВСЕ вопросы

1	Мои отношения с любимым человеком часто дают мне повод сомневаться в себе.	1	2	3	4	5	6	7
2	Мне легко выражать чувства к своему(-ей) любимому(-ой) на людях.	1	2	3	4	5	6	7
3	Мне трудно раскрывать душу перед любимыми людьми.	1	2	3	4	5	6	7
4	Я нервничаю, когда любимые люди лезут мне в душу.	1	2	3	4	5	6	7
5	Мне довольно сложно позволить себе полагаться на любимых людей.	1	2	3	4	5	6	7
6	Я часто беспокоюсь, что мой(-я) любимый(-ая) в действительности меня не любит.	1	2	3	4	5	6	7
7	Я беспокоюсь, что не буду так же важен(-на) для любимых людей, как они для меня.	1	2	3	4	5	6	7
8	Мне становится неуютно, когда любимый человек хочет более доверительных отношений.	1	2	3	4	5	6	7
9	Порой любимые люди меняют свои чувства ко мне без явной причины.	1	2	3	4	5	6	7
10	Меня сводит с ума, что я не получаю нужные мне расположение и поддержку от своего(-ей) любимого(-ой).	1	2	3	4	5	6	7
11	Я предпочитаю не слишком доверять любимым людям.	1	2	3	4	5	6	7
12	Когда я проявляю свои чувства к любимым людям, я боюсь, что они не будут чувствовать то же ко мне.	1	2	3	4	5	6	7
13	Я легко могу попросить о чем-то любимых людей.	1	2	3	4	5	6	7
14	Я нахожу, что мой (мои) любимый(-е) не стремится(-ятся) к столь же доверительным отношениям, что и я.	1	2	3	4	5	6	7

Ключи: Тревожность (7): 1, 6, 7, 9, 10, 12, 14. Избегание (7): 2*, 3, 4, 5, 8, 11, 13*. Звездочкой отмечены обратные пункты.